

П РОСТРАНСТВО
ЕРЕВОДА

ФЕРНАНДО ПЕССОА
ЭЛЕГИЯ
ТЕНИ

Перевод
ГЕННАДИЯ ЗЕЛЬДОВИЧА

Фернандо Пессоа

Элегия тени

«Водолей»

Пессоа Ф.

Элегия тени / Ф. Пессоа — «Водолей», — (Пространство перевода)

ISBN 978-5-457-72723-6

В этой книге читатель найдет как знаменитые, так и менее известные стихи великого португальского поэта Фернандо Пессоа (1888–1935) в переводах Геннадия Зельдовича, которые делались на протяжении четверти века. Особая, как бы предшествующая тексту проработанность и беспримесность чувства делает эти стихи завораживающими и ставит Ф. Пессоа особняком даже среди самых замечательных поэтов XX века.

ISBN 978-5-457-72723-6

© Пессоа Ф.

© Водолей

Содержание

Абсурдный час	6
Из цикла «Крестный путь»	9
1. «Я забываю промысел бродяжий...»	9
4. «Позволь, арфистка, целовать позволь...»	10
5. «Своих часов бессонный шелкопряд...»	11
6. «Сюда я прихожу издалека...»	12
13. «Посланник неизвестного владыки...»	13
14. «Как если б вдруг фонтаны замолчали...»	14
«Прекрасен день, который сам...»	15
«Болезненный звон колокольный...»	16
«Очертившись четко...»	17
«Ветер чуть качает...»	18
«Ярится ветер в чаще...»	19
«Под сенью горы Абиегно...»	20
«Туча легкая над рощей...»	21
«Чего бы сердце ни хотело...»	22
«Где-то там, где блещут воды...»	23
«У таинственной двери...»	24
«Глухая ночь, прости ко мне персты...»	25
Рождество	26
Нововерец	27
Эрот и Психея	28
Усыпальница Кристиана Розенкрейца [2]	30
I. «Когда от жизни пробудит природа...»	30
II. «Однако прежде прозвучало Слово...»	31
III. «Однако здесь, бредя осиротело...»	32
«Неслышимый ветер по травам...»	33
«И снова дождь туманит стекла...»	34
«На улице – бессвязный гул...»	35
«Этот нищий старый...»	36
«Внезапно, среди наслажденья...»	37
«Клубятся тучи в вышине...»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Фернандо Пессоа

Элегия тени

© Г. Зельдович, перевод, 2015

© Издательство «Водолей», оформление, 2015

Абсурдный час

Вся твоя немота – паруса в атлантической пене,
И улыбка твоя – это море, которое немо,
А немая улыбка – те лестницы долгой ступени,
На которых твержу, что стою у подножья Эдема.

Мое сердце – осколки когда-то разбитой амфоры,
И молчанье твое соберет черепки воедино;
И твой образ во мне – моего же штукарства узоры,
И твой образ – как труп, что на берег метнула пучина...

Распахни же ворота – и пускай, дряхлецам на разживу,
Улетучится чад, разлетятся салонные вздохи...
А душа моя – грот, что отверзнут навстречу приливу,
И в мой сон о тебе – вереницей бредут скоморохи.

Это плачет не дождь... Это сам я содеялся Часом...
Тем, что носит обломки в своей дребезгливой котомке...
И в мечтанье моем чья-то вдовушка бегаёт плясом...
И на небе моем – вековечно чернеют потемки...

Тяжелы небеса, будто путь, не сулящий возврата.
Только мелкая морось найдется у этого Часа...
Я в себя погружен, и душа моя этим разъята,
И улыбка твоя – никакая ему не украса.

Те часы, что живу, непроглядной изложены яшмой,
И тоска моя – мрамор в немыслимом прежде разрубе.
И ни горек, ни весел унылый веселый кураж мой,
И ни злы, ни добры доброты моей темные глубы.

Мои ликторы робки и к службе имперской не рьяны,
Водрузил я знамена не там, где священные грады,
Фолианты лежат между тюков моей баррикады,
На поржавленных рельсах плетутся глухие бурьяны.

О, как стар этот Час! Перегнившие шепчутся линии
Про ушедший фрегат, про сверканье полуденной дали,
Про иные часы, коих нынешний Час благочинней,
Про иные часы, что тревогой мечту напитали.

Здесь руины дворца. Здесь чернеет застойною жижей
Омертвелый фонтан... И почти что несносно для глаза
Это зрелище-осень, с его наготою бесстыжей...
Все вокруг манускрипт, где оборвана лучшая фраза.

Пара проблесков дряблых мелькает на немощных жабрах,
Отравляет озера записок изорванных ворох...
И душа моя – свет, что давно перетлел в канделябрах,
И мои устремленья – коряжины в хворых озерах...

Отчего я так болен? В луною наполненном парке
Хороводятся нимфы, уставшие от пустодневий...
И молчанье твое – колыбельная тонущей барке,
И Лжефебова лира мне слышится в этом напеве...

Где на солнце сияли глазастые перья павлиньи,
Даже тропки смутны. Лишь порою на темном песке их
Померещится след, словно бонна прошла в кринолине,
Да почудится шаг в никуда не ведущих аллеях.

Все на свете закаты в душе моей золотом стыли...
Все на свете луга моим стопам бывали простерты...
И во взгляде твоём – все тобой предвещенные штили...
И во мне оттого – кораблям недостижные порты...

Дружно падали весла... Но шепчет зеленая нива,
Что я морем не стал, что ненужные выкопал клады.
Я властительный царь, только в царстве глухого надрыва...
И я теплюсь внутри – лишь теплом отгоревшей лампы.

Столько жара в тебе – у принцесс опалается локон...
А твоя немота – воздымается горной вершиной...
Лишь единый подсолнух глядится из замковых окон,
И печально помыслить, что он далеко не единый...

Перезвон колокольный к иному уносится Долу...
Мы и здесь, и не здесь, будто львы, урожденные в клетке...
Мы остались детьми, только жгут нашу старую школу...
Сгинул Север и Юг – и нам не за что ставить отметки...

Я гляжу на тебя, от горячки очнуться не смея...
Ты моя слепота. Ты для ока пустая морока.
В созерцанье моем перевились пунцовые змеи...
И твой образ во мне – что глоток цепящего сока...

Мне тебя презирать? Посчитать ли презренье игрою?
Словно веер в жару, мне твой голос молчащий отраден —
Только веер закрытый – а если прельщусь и открою,
Расколю этот Час, где во чреве полно червоядин.

Перевяло цветов – сколько было и больше, чем было...
И хребтов перегиб – не согбен, а согбенья согбенней...
Я собор немоты созидал из любовного пыла,
Там любая ступень – только первая между ступеней...

Виснет в воздухе смех... И крадется вблизи соглядатай...
Девы саваны ткут, чтобы вдовы ткачки уснули...
О, твоя немота – немота оживающих статуй,
Аромат хризантемы, предузнанный в знойном июле.

Надо все поменять – чтоб мосты разобрались на бревна,
Испрошились холмы и землею засыпались реки;
Надо выровнять все, что на этом пейзаже неровно,
Надо просто завить – будто злая пила в лесосеке.

А сказать напрямик, нам несбыточных надо пейзажей...
Каждый день все одно... Осмелей и завесу раздерни...
Я внимаю тебе – моя внимчивость лепится сажей
На твою немоту, что сюда низлетает из горней.

Так же сладостен вечер, как сладостно жить не сиротке...
Вся небесная ширь вполовину улыбки светлится...
Я мечты о тебе терблю, как монахиня четки...
Я тебя узнаю – и ты чахнешь, как роза в петлице.

Нам обняться с тобой, нам бы сделаться фрескою дальней!
Двоекрасочным стягом вноситься все выше и выше!
Безголовая статуя, полная праха крещальня.
И знамена поверженных с надписью – «Сим победиши!»

Что-то мучит меня – даже рядом с твоей благостыней...
Отчего-то во мне – только одурь и ужас беспутий...
Я себя не пойму... Я с душою своею в размине...
Я заочно любим – по ту сторону собственной сути...

Из цикла «Крестный путь»

1. «Я забываю промысел бродяжий...»

Я забываю промысел бродяжий,
И к речке мгла осенняя примята,
И сердцу стала гостией утрата...
И в нем – дороги, не узнать, куда же...

Со мной стряслись могильные пейзажи...
Лицо твое, как небо, серовато;
Последние свечения заката
Еще о чем-то шепчутся на кряже...

И мне на плечи, к истине слепое
И судорогу расщемив гадливо,
Мое бывшее, полное прибое,

Взвалилось под морозным небосводом.
Шагает осень похоронным ходом
Вдоль по дороге моего надрыва.

4. «Позволь, арфистка, целовать позволь...»

Позволь, арфистка, целовать позволь —
Но не ладонь, а взмах твоей ладони:
Чтоб этот Жест во глубине бессоний
Стал только Жестом, обернулся столь

Бесплотным и уже избывшим боль,
Сколь стали на старинном медальоне
Коленопреклоненные в короне,
Которых вящий покорил король.

Ты сделалась прибытком и разором,
Луною, что крадется по озерам,
Когда вокруг чернеется камыш...

Ты отзвук в сталактитовой пещере;
И если обретением даришь,
То только обретением потери.

5. «Своих часов бессонный шелкопряд...»

Своих часов бессонный шелкопряд,
Ты ускользаешь наподобье тени,
Отсрочивая для своих молений
Уже давно предвещанный обряд.

И эти губы в океанской пене
Укором нерасслышанным корят;
И чем длиннее череда утрат,
Тем вечер и крылатей, и забвенней.

Все перволунья хочется исплавать —
И только жижга булькает в углу;
Стоячая засасывает заводь...

Я буду царь, но буду не теперь я...
И я машу в саргасовую мглу
За океаном моего безверья.

6. «Сюда я прихожу издалека...»

Сюда я прихожу издалека,
И я дышу туманом и раздором,
Неся свой образ пасмурный, в котором
Есть образ неземного двойника.

Я был когда-то, в прошлые века,
Не Боабдилом, но прощальным взором¹,
Скользящим по гранадским косогорам,
Где залегла навечная тоска.

Я павшая гранадская держава,
Сиротствую у мира на виду...
Дорога есть, а цели не найду.

Я сам своя смертельная отравка,
Вчерашняя ненадобная слава,
Подсолнечник в бессолнечном саду.

¹ Боабдиль – последний мавританский калиф в Испании (1482–1492), бежал из Гранады, впоследствии убит в Африке.

13. «Посланник неизвестного владыки...»

Посланник неизвестного владыки,
Я сам не знаю, что я говорю.
Мои слова, угодные царю,
Мне кажутся бессмысленны и дики.

Распался я на образ двоеликий,
Две части меж собой не замирю:
То робко приближаюсь к алтарю,
То изрыгаю варварские зыки.

А есть ли Царь, не ведаю поныне.
Забыть о нем – назначено уроком...
Дано мне целью – странствовать в пустыне.

Но прежде, чем создалось естество,
В безмерье и в довременье далеком,
Я был вблизи от Бога моего...

14. «Как если б вдруг фонтаны замолчали...»

Как если б вдруг фонтаны замолчали
(Напрасен взор, утопленный во взоре), —
Так, сновиденью моему не вторя,
Тот голос, что родился из печали,

Теперь умолк... Уже не в карнавале,
Без музыки, без крыльев средь лазори,
Таинственность, молчащая, как море,
Приходит в обзвученные дали...

Пейзаж вдали — он только лишь на то нам,
Чтоб стало тихо, если мы нисходим
В таинственность, при часе благосклонном...

И где-то есть безмолвная природа,
И где-то мир с движеньем и бесплодьем...
И где-то Бог — Замковым Камнем свода...

«Прекрасен день, который сам...»

Прекрасен день, который сам
Себе же мерой,
Глаза подъявля к небесам
С наивной верой.

Но будет неба синева
Не благостыней,
Пока в глубины естества
Не примешь сини —

И цвет, которым зелены
Холмов уборы,
До самой сердца глубины
Не вникнет в поры.

О ты, несведущий двойник,
Уйди, не мешкай! —
Но не отступит ни на миг,
Глядит с насмешкой,

Что и земля и небеса
Всего родимей
Тому, кто душу отдал за
Слиянье с ними.

«Болезненный звон колокольный...»

Болезненный звон колокольный,
Ты через деревню летишь
И каждым накатом сгущаешь
Души предвечернюю тишь.

И словно бы взятый у жизни,
Столь горестен твой разговор,
Что в первом тягучем ударе
Уже раздается повтор.

И сколько ни рей надо мною,
Когда прохожу стороной,
Ты грезой моей остаешься —
И, значит, всегда не со мной.

И если дрожащим ударам
Завторит вечерняя даль,
Куда-то отпрянет — былое,
Зачем-то нагрянет — печаль.

«Очертившись четко...»

Очертившись четко
Где-то, в лунном свете,
Парусная лодка
Родственна примете.

И хоть нет разгадки,
Но дышу иначе.
Сон, доныне краткий,
Делается кратче.

Что – непостижимо?
Что – еще жесточе?
Парус мчится мимо
В недвижимой ночи.

«Ветер чуть качает...»

Ветер чуть качает
Стебли камыша.
Дрожью отвечает
И моя душа.

Сердце сиротливо
Плачет не о том,
Что слышны порывы
Ветра над прудом.

Это – легче вздоха,
Чище ветерка:
Если сердцу плохо —
Где моя тоска?

Если ветер тронет
Блики на воде,
Знаю: сердце стонет,
Но не знаю – где.

«Ярится ветер в чаще...»

Ярится ветер в чаще,
У чащи взаперти;
Для мысли настоящей
Исхода не найти.

Есть в разуме тоскливом
Такая глушь и дичь,
Где мечется с надрывом
Желание – постичь.

Как ветер бьется в ветки,
Из чащи рвется вон —
В такой незримой клетке
И сам я заточен.

«Под сенью горы Абиегно...»

Под сенью горы Абиегно
Замедлю, дорогу прерву.
Я видел – пленительный замок
С вершины глядит в синеву.
Но медлю и сплю наяву
Под сенью горы Абиегно.

Любимое и прожитое
Куда-то назад подались,
И сколько их было, не помню,
Увидя волшебную высь.
Под сенью горы Абиегно
Я медлю, от них отрекшись.

Быть может, моим отреченьем
Когда-нибудь стану сильней,
Дорогу, ведущую в Замок,
Найду между серых камней.
Под сенью горы Абиегно
Я медлю, сроднившийся с ней.

Покой убегает при мысли,
Что Замок вдали вознесен,
Дорога же – та, по которой
Никто не ступал испокон.
Под сенью горы Абиегно
Туда устремляется сон.

Ведь разум дороги не знает —
И, значит, вверяется сну.
Дерзанья мои забываю,
Когда на вершину взгляну.
Под сенью горы Абиегно —
До века ли буду в плену?

«Туча легкая над рощей...»

Туча легкая над рощей...
Прилети и пролети...
Я тоскую много проще:
Не в душе, а во плоти.

Та возвышенная смута,
Что пришла в забытом сне,
Ныне отдана кому-то,
Безразличному ко мне.

Если ж заросли в сырую
Погружаются во тьму,
Я пугаюсь и горюю
По сиротству моему.

«Чего бы сердце ни хотело...»

Чего бы сердце ни хотело —
Ничто исполнить не могу.
Всегда желая без предела,
Всегда замру на полшагу.

Итог беспомощных стараний —
О сколь заранее постыл!
Душа – сверканье в океане,
А я – саргассовый настил, —

Но там сквозится из разводий
Вода неведомых морей,
Не существующих в природе —
И явных сердцу тем скорей.

«Где-то там, где блещут воды...»

Где-то там, где блещут воды,
Где течет речная гладь,
Где природа без природы,
Несмутимо провожать
Буду дни свои и годы.

Что же делает река,
Если просто – просто длится?
Наплывут издалека
Чьи-то медленные лица,
Словно прошлые века.

И скользя по речке взглядом,
Сохраню свою печаль
И дышу своим разладом —
Ибо влага мчится вдаль,
Все равно оставшись рядом.

Я и движусь, и стою,
Если вглядываюсь в реку,
В эту чистую струю —
Ибо отдал ей довеку
Всю разорванность мою.

«У таинственной двери...»

У таинственной двери
Моего бытия
Бродят птицы и звери —
И взираются, веря,
Будто я — это я.

Полны сонных бездний,
Ни к чему не спеша;
Только я посторонний,
И всех бед неотклонней
Катастрофа — душа.

Рассевается дрема —
И я счастлив почти;
А смотреть из проема
Хуже всякого слома
И страстного пути.

«Глухая ночь, простри ко мне персты...»

Глухая ночь, простри ко мне персты,
Усынови... Я был во время оно... —
Я есмь король, отрекшийся от трона
Моей тревоги и моей мечты.

Мой меч, тяжелый свыше мотыги,
Которым овладел я беззаконно,
И непосильный скипетр и корона —
В чужую длань да будут приняты.

Теперь и бесполезную кольчугу,
И шпоры, что звенели от испугу,
Я бросил пред палатой короля.

С душой и телом я покончил счета —
И возвращаюсь в древние темноты,
Как вечером усталая земля.

Рождество

Родится бог. Былые гибнут боги.
Но правда не пришла и не ушла.
Сменился Миф, и вечность на пороге
Не меньше прежней вечности светла.

Бессильный ум возделывает поле,
Мянутся мифы в мертвенной ночи.
Господь есть Слово, и ни граном боле.
Не знай, не верь: утеряны ключи.

Нововерец

Не смыкай покорно вежды —
Ибо нет на свете снов.
Ты лишь тень твоей одежды,
Ты всегда пребудешь нов.

То ли смерть укрыта в ночи —
То ли гибнет самый мрак!
Кто дошел до средоточий,
Не сбавляй трусливо шаг.

Встретишь ангельские лики —
Отберут уютный плащ,
И пойдешь бедней калики,
И невидим, и незряц.

А у дальних раздорожий
Благодетель-серафим
Обдерет что было кожи,
Чтобы стал – собой самим.

А потом в глубоком гроте
Ты увидишь Божий храм —
И разденешься от плоти,
Уподобившись богам.

Ныне тень твоей одежды
Не тебе закроет свет,
И не ты смыкаешь вежды —
Ибо смерти больше нет.

Эрот и Психея

*...Итак, видишь ты, Брат мой, что
истины, которые даны были вам на ступени
Новообращенного, и истины, данные на
ступени младшего Адепта, суть, хоть они и
противоположны, одна и та же истина.
Из Ритуала Ступени Магистра Двора*

в Ордене Португальских Тамплиеров
В песне древнего распева
Повествуется рассказ,
Как спала Принцесса-Дева,
В утоление злого гнева
Разомкнуть не могли глаз.

Есть в легенде Принц, который,
Зло и благо одолев,
Отправлялся в путь нескорый,
Через реки, через горы,
На котором будят дев.

Словно смерти верный сколок,
От надежды отобща,
Сон Принцессы долог, долог —
И оплел ее начелок
Из зеленого плюща.

Принц спешит из-под навеса
Очарованных теней,
И о Юноше средь леса
Не проведает Принцесса,
Он не ведает о ней.

Но Судьбу исполнит каждый:
Деве писано уснуть,
Рыцарю – томиться жаждой,
Без которой бы однажды
Не вершился этот путь.

Видя морока заслоны,
Принц шагает напрямик;
Заблуждением вдохновленный,
Перешел через препоны
И дворца ее достиг;

И когда пора настала,

То, дивуясь чудесам,
Он отдернет покрывало
И поймет, что сизначала
Спящей Девой был он сам.

Усыпальница Кристиана Розенкрейца ²

*Еще не видел тело нашего мудрого Отца, мы отошли в сторону
от алтаря и там смогли поднять тяжелую плиту желтого металла,
за ней же покоилось лучезарное тело, целое и не тронутое тлением...
в руке была маленькая пергаментная книга, писанная золотом и
озаглавленная «Т.», которая, после Библии, составляет главное наше
сокровище и не передается в руки непосвященных.
Fama Fraternitatis Roseae Crucis*

I. «Когда от жизни пробудит природа...»

Когда от жизни пробудит природа,
Себя пойдем и визнаем секрет
Паденья в Тело, этого ухода
Из духа в Ночь, из просветленья в бред, —

О сне земли, о свете небосвода
Прозрим ли Правду после стольких лет?
Увы! душе без проку и свобода,
И даже в Боге этой Правды нет.

И даже Бог явился Божьим сыном:
Святой Адам, он тоже грехопал.
Творитель наш и потому сродни нам,

Он создан был, а Правда отлетела.
Безмолвен Дух, как мировой Провал.
И чужд ей мир, который – Божье Тело.

² Кристиан Розенкрейц – легендарный основатель секты розенкрейцеров. Завещал вскрыть свою могилу долго спустя после смерти. Основу учения розенкрейцеров составляло некое тайное знание; в частности, им приписывали способность всеведения, изобретение особого, выражающего суть вещей языка. Один из символов доктрины – черные розы на фоне андреевского креста.

II. «Однако прежде прозвучало Слово...»

Однако прежде прозвучало Слово,
Утраченное в тот же самый миг,
Когда из Тьмы Предвечный Луч возник,
Угаснувший средь хаоса ночного.

Но сознавая свой превратный лик,
Сама из Тьмы, Душа в себе готова
Узнать сиянье радостного зова,
Распятых Роз таинственный язык.

Хранители небесного порога,
Отправимся искать за гранью Бога
Секрет Магистра: сбросив забытье,

К самим себе очнувшиеся в Слове,
Очищены в неостудимой крови, —
Отсюда к Богу, льющему ее.

III. «Однако здесь, бредя осиротело...»

Однако здесь, бредя осиротело,
Себя сновидим, явь не обретем,
И если сердце Правду разглядело,
То Правда обращается в фантом.

Пустые тени, алчущие тела,
Его найдя, узнаем ли о том,
Пустоты стискивая то и дело
В объятье нашем призрачно-пустом?

Ужель Душа не отомкнет засовы,
Не станет знать, что дверь не заперта,
А только – выйти и пойти на зовы?

Немому и усопшему для плоти,
Но с Книгою в закрытом переплете,
Отцу Магистру явлены врата.

«Неслышимый ветер по травам...»

Неслышимый ветер по травам
Провел осторожной рукой...
Кивок долгожданный и краткий...
И в нем – подтверждение догадки,
Я сам забываю какой.

...И шум в холодеющих травах
Покуда еще не затих —
Но словно меня обманули
И кануло в ветреном гуле
Решенье вопросов моих.

...Уже в успокоенных травах
Застыла последняя дрожь.
И сам не пойму, отчего же
Я сердце вверял этой дрожи,
Которой ничем не вернешь.

Но нет: задремавшие травы
Не те, что минуту назад,
И ветра былые порывы
В разбуженной памяти живы,
Как тысячи живы утрат.

«И снова дождь туманит стекла...»

И снова дождь туманит стекла
На этой улице пустой...
Сама душа моя размокла
И вся пропитана водой.

Мне в сердце хлещут воды ливней,
Но я печали не клянусь:
Еще грустнее и противней,
Когда себя же обману, —

Поскольку я и сам гадаю,
Когда я хмур, когда я рад...
И, тихо сердце покидая
(Строку Верлена подтверждая),
Мне капли что-то говорят.

«На улице – бессвязный гул...»

На улице – бессвязный гул,
А я – ненадобный прохожий.
И всяк предмет в себя вольнул,
И всякий звук оделся кожей.

Я существую, словно пляж,
Куда на миг взбегает море.
А истина одна и та ж:
Что будет смерть, и будет вскоре.

И будет гул, когда умру.
Не кланчит самой малой крохи
Мой ум, затерянный в миру,
Что твой цветок в чертополохе.

«Этот нищий старый...

Этот нищий старый
Под моим окном
Со своей гитарой
Плачут об одном —

Что обоим выпал
Им удел такой
Мыкаться по миру
Со своей тоской.

Я и сам бездомный,
Я и сам незрячий.
Только сцена шире —
И бесплатно плачу.

«Внезапно, среди наслажденья...»

Внезапно, среди наслажденья,
Когда закружит бытие,
Я чувствую, как отчужденье
Своею невидимой тенью
Окутает сердце мое.

И думаю: в этой ли дреме
Очнусь от моей маеты?
И вижу в оконном проеме
Косого пейзажа бездомье —
И ласковый образ мечты.

«Клубятся тучи в вышине...»

Клубятся тучи в вышине
И небо облегли;
Последний синий лоскуток
Печалится вдали.

И точно так же разуму,
В безверье и глуши,
Какой-то лучик подтвердит
Присутствие души —

Кайма, которой суждено
В небесной вышине
Продлиться по другую грань

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.